

© 2020. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Работа Л. Н. Толстого над образами героев рассказа «Хозяин и работник»

Статья посвящена осмыслению работы Толстого над образами героев рассказа «Хозяин и работник», аналитическому изучению концептуальных изменений, внесенных писателем в текст. Характеризуя стиль рассказа, автор статьи констатирует, что яркие оппозиции, наличие четких оценок поведения героев, морально-нравственных ориентиров приближают повествование Толстого к притче, а художественные образы в таком «притчевом» повествовании имеют выразительный характер. Главные элементы сюжета присутствуют уже в первой черновой редакции рассказа, но характеры героев в ней еще не являются цельными. Работа Толстого над рассказом шла в двух направлениях. Во-первых, писатель уделял большое внимание финалу, тщательно продумывая описания внутренних монологов и состояний героев, осознанию Брехуновым ложности и иллюзорности своей прежней жизни. Прозрение Василия Андрееча, спасение им Никиты представлено психологически точно и убедительно; писатель раскрывает кардинальную перемену, произошедшую в сознании Брехунова, но характер героя, образ его поведения остаются прежними. Во-вторых, писатель тщательно продумывал все мельчайшие компоненты изобразительности, добиваясь создания целостных и непротиворечивых образов героев. Толстой оценивал глубину их противопоставления, убирал подробности, отвлекающие читателя от центральной идеи рассказа, а некоторые второстепенные мотивы и описания преобразовывал в художественные детали.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Хозяин и работник», творческая история, история текста, художественный образ, притча, персонажи, речевые характеристики.

Информация об авторе: Андреева Валерия Геннадьевна, ORCID 0000-0002-4558-3153, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления: 17.01.2020

Дата публикации: 24.03.2020

Для цитирования: Андреева В. Г. Работа Л. Н. Толстого над образами героев рассказа «Хозяин и работник» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 1. С. 224–243. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-1-224-243

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. Valeria G. Andreeva

A.M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Leo Tolstoy's work on the images of characters of the short story "Master and Man"

The article is dedicated to making sense of Leo Tolstoy's work on images of the characters of the short story "Master and Man", to analytical study of the conceptual changes made to the text by the writer. Characterising the short story's style, the author of the article states that bright oppositions, presence of clear assessments of characters' behavior, moral and ethical guidelines make Leo Tolstoy's narrative somewhat parable-like, while artistic images in such a "parable" narrative are expressive. Main elements of the plot are already present in the first draft edition of the short story, but there is still lack of the heroes' characters integrity in it. Leo Tolstoy's work on the short story went in two directions. First, the writer paid much attention to the finale, carefully thinking through descriptions of the characters' inner monologues and states of mind; to Vasily Brekhunov's awareness of his former life's falseness and illusory. Events of Vasily Andreyevich's sudden clarification, and him saving Nikita are both presented psychologically accurately and convincing; the writer reveals the fundamental change that took place in the consciousness of Vasily Brekhunov, but the hero's character, the way of his behaviour remain the same. Second, the writer carefully thought through all the slightest components of pictorial, seeking to create holistic and consistent images of the characters. Leo Tolstoy assessed the depth of their opposition, removed details that could distract the reader from the central idea of the short story, whereas some secondary motifs and descriptions were transformed into artistic details by him.

Keywords: Leo Tolstoy, "Master and Man", creative history, text history, artistic image, parable, characters, speech characteristics.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, ORCID 0000-0002-4558-3153, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069, Moscow, Russia

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: January 17, 2020

Published: March 24, 2020

For citation: Andreeva V. G. Leo Tolstoy's work on the images of characters of the short story "Master and Man"// Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 1, pp. 224–243. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2019-2-1-224-243

Рассказ Л. Н. Толстого «Хозяин и работник», опубликованный впервые в журнале «Северный вестник» № 3 за 1895 г., стал тем художественным шедевром, которого давно ожидали русские читатели от Толстого, все больше отдававшего предпочтение публицистике и проповедям.

А. С. Петровский, составитель комментария к рассказу в Юбилейном издании, по материалам дневников и писем Толстого обозначил основные вехи работы писателя над текстом. Так, впервые о рассказе Толстой упоминает в дневнике 6 сентября 1894 г. В этой записи реализация замысла характеризуется как «очень живой художественный рассказ о хозяине и работнике» [Толстой 52: 137]. К этому же времени относится и первый конспект произведения. В комментарии указаны даты начала и завершения первой черновой редакции «Хозяина и работника» (6 и 13 сентября 1894 г.), а также периоды энергичной работы над текстом: «С этого времени начинается интенсивная правка рассказа, продолжавшаяся до 1 января 1895 г. — дня отъезда Толстого с дочерью Татьяной Львовной в имение Олсуфьевых Никольское-Горюшки» [Толстой 29: 376]. Петровский отмечает, что писатель долго и тщательно шлифовал текст, а после убедительно просил Н. Н. Стрехова прислать ему корректуры в Москву и трижды вносил поправки в набор.

Два ключевых образа в названии рассказа позволили писателю заострить внимание на проблеме социального расслоения и взаимодействии представителей разных сословий, а также на идее нравственного совершенствования человека, духовной вертикали, осознании личностью своей подчиненности Богу.

И. Ю. Лученецкая-Бурдина пишет, что «Толстой включает рассказ “Хозяин и работник” в ту нравственную парадигму, которую он пытался постичь и рационально объяснить в период духовных исканий. В небольшом художественном пространстве текста отражены идеи, сформулированные писателем в процессе работы над богословскими

трудами: умение познать своего Бога, любовь к ближнему, принятие страдания как пути к истине» [Лученецкая: 24].

В работах литературоведов XX в., посвященных «Хозяину и работнику», название рассказа рассматривалось как «актуализация социального контраста», а отсылка к евангельским образам не всегда осмыслялась. Современные литературоведы подчеркивают, что фигуры хозяина и работника являются знаковыми и частотными в прозе и публицистике позднего Толстого, они выводят читателя к важнейшим религиозно-философским обобщениям.

О жанре «Хозяина и работника» и стиле позднего Толстого высказывались разные суждения. Одни исследователи справедливо считают, что рассказ тяготеет к притче, как и некоторые другие поздние художественные произведения писателя. Так, Е. Ю. Полтавец, рассуждая о логике творчества Толстого, приходит к выводу о тесной связи с «Хозяином и работником» более ранних рассказов-переложений Толстого и его статьи «Христианское учение», которую писатель называл «катехизисом»: «Художественные произведения, над которыми Толстой работал в этот период, носят характер притчи, иллюстрирующей религиозные и философские взгляды писателя, причем “Суратская кофейная” и “Карма” являют собой своеобразные переложения-толкования чужих текстов, также в художественной форме поясняющих религиозные истины. Их персонажи открыто высказывают принципы, а аллегорическая образность доступна, как и задумывал Толстой, даже для понимания ребенка» [Полтавец: 118–119].

И яркие оппозиции, контрасты, и четкие оценки поведения героев, морально-нравственные ориентиры приближают повествование Толстого к притче. Художественные образы в таком «притчевом» повествовании выразительны, что в целом присуще реализму конца XIX в. На фоне лаконичности рассказа авторские добавления к портретам героев имеют глубокий смысл.

Недовольство Толстого, уже определившего сюжетную линию и центральные события рассказа, вызывала, однако, содержательная сторона: «Я до последнего часа работал над Хозяином и работником. Стало порядочно по художественности, но по содержанию еще слабо» [Толстой 53: 3]. Л. Д. Опульская, размышляя о приемах создания образов рассказа «Хозяин и работник», указала, в чем же, по выражению Толстого, заключалась его «слабость» на определенном этапе работы:

«Рукописи свидетельствуют, как все новые и новые детали обогащали и проясняли характер и Никиты и Василия Андреича: добродушная ласковость, покладистость, терпеливость одного и прижимистая деловитость, самоуверенность, бестолковая суетливость другого. “Слабость” содержания относилась, видимо, к финалу. С самого начала сюжет был ясен и не претерпел изменений: хозяин замерзает, повалившись тяжелым телом в сани и тем спасая от смерти работника. Но заключительные страницы много раз переписывались — в поисках психологической убедительности» [Опульская: 128].

Правки и изменения Толстого позволяют отметить, что писатель большое внимание уделял финалу рассказа, прозрению Василия Андреича. Л. Д. Опульская делает вывод о том, что смерть Брехунова сначала «изображалась как чудо “просветления”, напоминающее конец Ивана Ильича в повести 1886 г.», что далее Толстой пошел по пути создания более простого и спокойного описания, а в окончательном тексте пришел к «подробному рассказу о том, как Василий Андреич с обычной своей деловитостью и решительностью, “с которой он ударял по рукам при выгодной покупке”, выгребает снег с Никиты и ложится в сани» [Опульская: 129].

Полностью соглашаясь с выводами Л. Д. Опульской по поводу финала рассказа, мы считаем необходимым проследить конкретные изменения, сделанные Толстым с целью создания целостных образов хозяина и работника. Ведь и в самом начале рассказа есть много важных подробностей, проясняющих позиции героев. Так, Ю. В. Фомина, рассматривая невербальные формы проявления характеров, отмечает: «Любопытно и то, что большая часть невербальных сигналов и характеристик, раскрывающих сущность Брехунова, обнаруживаются в начале повести, до “метельной ситуации”» [Фомина: 130]. Это же можно сказать и про речь персонажей: важнейшие характеристики центральных героев заключены в незначительных на первый взгляд фразах, сказанных ими в начальных эпизодах.

Исследователи располагают только черновой редакцией начала рассказа, но и этот ранний текст дает представление о развитии авторского замысла. Общая схема работы Толстого над образами хозяина и работника может быть намечена как движение от ключевой антитезы героев, через осмысление и тщательный отбор качеств и особенностей персонажей, к итоговому противопоставлению, наибо-

лее емкому и освобожденному от сопутствующих отвлекающих читателя смыслов.

Первая черновая редакция, как и окончательный текст, начинается с рассказа о Василии Андреиче. Сказуемые, удачно найденные Толстым в описании Брехунова, остаются неизменными на протяжении работы писателя с текстом: «В приходе был праздник, и дворнику Василию Андреичу нельзя было отлучиться, *надо было быть* в церкви — он был церковным старостой, *надо было принять* и угостить родных и гостей» (курсив мой — В. А.) [Толстой 29: 295]. Толстой показывает, что отнюдь не по душевным законам и велению сердца пребывает Брехунов в церкви, он выполняет обязанность.

Описание Никиты в черновой редакции еще чрезвычайно кратко, но содержит ключевую мысль о легком расставании с деньгами. В отличие от хозяина, одолеваемого идеей накопительства, работник умеет отдавать: «Никита был мужик из дальней деревни, уже лет за 50, сухой, здоровый старик. Он всю свою жизнь прожил в людях, подавая все в дом сначала отцу, а теперь меньшому брату» [Толстой 29: 295]. Последующие характеристики героя и его семьи более подробны. В них Толстой несколько снижает образ благообразного старика. Способность Никиты отдавать изменяется от растраты денег на спиртное до покорной передачи заработанного жене и детям: «Он всю свою жизнь прожил в людях. Дома у него была только жена с ребятами, обрабатывавшая свой надел наймом и всегда нуждавшаяся, потому что Никита часто запивал и пропивал все, что мог» [Толстой 29: 304–305]; «Василий Андреич платил Никите не восемьдесят рублей, сколько стоил такой работник, а рублей сорок, которые выдавал ему без расчета, по мелочи, да и то большей частью не деньгами, а по дорогой цене товаром из лавки. <...> За два дня до праздника Марфа приезжала к Василию Андреичу и забрала у него белой муки, чаю, сахару и осьмуху вина, всего рубля на три, да еще взяла пять рублей деньгами» [Толстой 29: 5].

Не меняя указания на возраст героя, Толстой отказался от определения «старик»: «Никита был мужик из дальней деревни, уже лет за 50, коренастый, широкий, но, очевидно, от нужды и работы недорослый, и очень сильный» [Толстой 29: 304]. Это устранило наметившуюся преграду между работником и хозяином, который мог быть сдерживаем почтенным обликом и преклонным возрастом спутника. Кроме того, в

окончательном тексте Никита после смерти Василия Андреича проживает еще двадцать лет.

В несомненной связи с этой поправкой следует рассматривать еще одну, коснувшуюся образа мужика, к которому путники заезжают обогреться в деревне Гришкино. В первой черновой редакции это еще *сильный мужик-хозяин*: «Долго говорили там, наконец, вышел мужик в одной белой праздничной рубахе и малый за ним в красной» [Толстой 29: 299]. В окончательном тексте мы видим *старого* мужика или *старика*: «...Высунулся высокий старый с белой бородой мужик в накинутах полушубке сверх белой праздничной рубахи» [Толстой 29: 18]; «Кроме Василия Андреича за столом сидел лысый белобородый старик-хозяин в белой домотканой рубахе» [Толстой 29: 20]. По всей видимости, внесенные поправки, касающиеся возраста героев, должны были подчеркнуть, что хозяин из Гришкино и Василий Андреич с Никитой относятся к разным поколениям, обозначить тему перемен в жизни общества и отношениях людей друг к другу. Образ старика, результатов его жизни, явленных в описании дома, семьи, взаимоотношений с близкими, конфликт с одним из сыновей из-за раздела дома и хозяйства могли подтолкнуть Брехунова к переоценке ценностей. Однако Василий Андреич не видел сути споров в семье мужика, поскольку был ослеплен идеями близкого и выгодного приобретения рощи.

Работа Толстого над образом Никиты включала тщательное продумывание каждой детали. В черновой рукописи № 3 Никита наделен физическим недостатком, он был «недорослый». Но Толстой как бы затушевывает этот изъян, акцентируя крепость, силу героя и то, что его недорослость была вызвана чрезмерным трудом с детских лет. Тут же к характеристике героя добавлен порок пьянства и сообщено о его семейном положении. В окончательном тексте рассказа писатель совсем отказывается от расширенных внешних характеристик Никиты, определяет только его возраст и резко противопоставляет Василию Андреичу словом «нехозяин». В ходе создания образа Никиты Толстой все больше акцентирует внимание на внутреннем мире героя, убирая лишние детали внешнего свойства: «Никита был пятидесятилетний мужик из ближней деревни, нехозяин, как про него говорили, большую часть своей жизни проживший не дома, а в людях» [Толстой 29: 4]. История с порубленными на мелкие кусочки нарядами жены, впервые включенная Толстым в рук. № 3, сохранена и в окончательном тексте: этот

эпизод позволяет читателю оценить дух противления, который живет в Никите, но в трезвом состоянии постоянно удерживается им. В окончательном тексте Толстой не раз намекает на этот дух внутреннего несогласия Никиты с Брехуновым. К примеру, когда герои сбиваются с дороги в первый раз, Никита констатирует этот факт «с удовольствием» [Толстой 29: 12].

Отношение Никиты к труду как черта характера главного героя также изменялось в ходе создания рассказа. В ранних рукописях наблюдается сильное снижение образа: «Никита был человек смиренный, добродушный, ловкий на работу, *но не любивший тяжелой мужицкой работы* и потому всю жизнь проживший в людях» (курсив мой — В. А.) [Толстой 29: 305]. Толстой убрал упоминание об излишнем труде Никиты в юности и о нежелании исполнять тяжелую работу, поскольку эти подробности шли вразрез с концепцией образа и характера героя.

В поздних художественных произведениях Толстого наблюдается тесная связь образов хозяина и работника с мотивом труда, работы. Яркие реализации мотив работы имеет в романе «Воскресение», где он стал одним из идейных центров, соотносимых с оппозицией «хозяин — работник»: «Все это понять, понять все дело хозяина — не в моей власти. Но делать его волю, написанную в моей совести, — это в моей власти, и это я знаю несомненно», — говорит Дмитрий Нехлюдов, встающий на путь преображения. И он радуется, произнося: «Да, чувствовать себя не хозяином, а слугой» [Толстой 30: 226]. В итоге мотив работы соотносится с рассуждением о хозяине: «Центральный в “Воскресении” мотив работы в финале романа реализуется в притче о виноградарях. Не случайно автор романа дает свободный пересказ, даже свободное толкование этой притчи. Толстой, благодаря Нехлюдову, живо представляющему подлость, низкие стороны людей, концентрирует внимание читателя на синонимах “виноградари” — “работники”. Автор, целью которого стало привлечение людей к работе, проводя реципиентов через галерею лиц, событий, внезапно показывает читателю его самого, ведь каждый из нас — один из виноградарей» [Андреева: 117]. В «Воскресении», как и в рассказе «Хозяин и работник», Толстой стремился приобщить читателя к идее работы ради ближних и спасения души, ради понимания и исполнения воли хозяина. Так как Никита был изначально задуман Толстым как герой, понимающий истинные ценности жизни, писатель отказался от уточнения о его нелюбви к работе.

К. А. Нагина и Н. И. Кухтина проводят параллель между рассказом «Хозяин и работник» и трактатом «В чем моя вера?», определяя выход писателя к важным религиозно-философским обобщениям: «Поведение работников “постоялого двора” и “виноградного сада” для Толстого в трактате становится моделью поведения людей, отказывающихся понимать волю Хозяина бытия, в итоге изгоняющего их из жизни. Глава восьмая трактата “В чем моя вера?”, в центре которой стоят образы постоялого двора / хозяина / работника, моделирует идейную и частично сюжетную коллизию рассказа Л. Толстого. Поведению виноградарей, вообразивших себя хозяевами сада, или работников постоялого двора, неправильно понявших волю хозяина, соответствует жизненная программа “деревенского дворника” Василия Брехунова, а проекцией верного бытийного поведения является фигура работника Никиты» [Нагина: 102–103].

Творческая история открывает, что Толстой «очищал» образ Никиты от деталей и подробностей, не укладывавшихся полностью в концепцию противопоставления хозяина и работника. В черновых материалах намечены характеристики речи Никиты, указания на особенность его разговора. В рук. № 4 Никита отвечает на вопрос о поездке с хозяином «бойко, громко, как будто сердясь» [Толстой 29: 306]. Толстой демонстрирует манеру разговора работника: «Никита говорил всегда быстро-быстро, точно слова подгоняли одно другое; главная же особенность его речи состояла в том, что, сказав то, что ему нужно, он как-то вдруг обрывал речь, точно запирали ключом» [Толстой 29: 306]. Данное описание речи получалось двойственным: с одной стороны, оно демонстрировало расторопность или торопливость героя, с другой стороны, некоторую замкнутость, скрытность. В рук. № 9 Никита отличается излишней разговорчивостью: «...Василий Андреич теперь молчал, а Никита не переставая весело разговаривал: то хвалил ум лошади, то вспоминал, как он ездил с другим хозяином на паре и пристяжная сбивала коренную» [Толстой 29: 307]. Последняя речевая характеристика контрастна образу сдержанного героя: Никита не противоречит хозяину, даже зная его неправоту.

Никита в рассказе говорит только по надобности, негромко, иногда весьма неохотно. Громким голосом в ходе работы над контрастным наполнением образов наделяется Брехунов: «Василий Андреич повторил своим громким, отчетливым голосом свою шутку о бондаре» [Толстой

29: 10]. Никита не повышает голоса до момента окончательной потери ориентиров в поле и начинает кричать только в сцене падения в овраг. Но крики его вызваны усталостью и озабоченностью положением дел, а также плохой слышимостью. Интересно противопоставление хозяина и работника в окончательном тексте, когда слышимость из-за ветра и мешающей разговаривать теплой одежды становится хуже. Василий Андреич начинает кричать, подогреваемый задором скорого приобретения роши, азартом выгодной продажи лошади, за которую он просит слишком высокую цену, а Никита, чтобы не кричать, «отворачивает воротник кафтана и перегибается к хозяину» [Толстой 29: 10]. Так, речевые характеристики смиренного, спокойного Никиты и решительного, горячего Василия Андреича в окончательном тексте фактически меняются местами по сравнению с черновыми материалами.

Доминирующие в натуре Никиты спокойствие и миролюбие уже отмечены исследователями. Герой ласково обращается не только с хозяином и его супругой, с маленьким сыном хозяина, но и с кухаркой, ее мужем, с Мухортым. Никита понимает истинный смысл жизни, заключающийся в добром отношении ко всему окружающему; но он при этом по-мужицки ловок, деятелен, собран. Никита понимает сущность Брехунова, но один раз называет его «батюшка Василий Андреич». Восклицание «Одним духом» [Толстой 29: 296] из первой черновой редакции заменено на «Одним пыхом» [Толстой 29: 8]. Разночтение это значимо: писатель в начале рассказа избегает упоминания о духовной жизни: осознание настоящих ценностей придет к Брехунову в финале рассказа.

Семья Василия Андреича в первой черновой редакции включает кроме него только жену: «“Как же ты, Вася, один поедешь, видишь, закурило как”, — сказала жена, выйдя за ним в утопанные снегом сени» [Толстой 29: 295]. В рассказе у Василия Андреича есть еще маленький сын. Образ мальчика появляется впервые в рук. № 4. Толстой сохраняет найденное обращение Брехунова к сыну «прокурат» — проказник, затейник. В тексте мальчик ласково обращается к Никите с просьбой посадить его в сани: «“Дядя Микит, дядюшка, а дядюшка!” — закричал сзади его тоненьким голоском торопливо выбежавший из сеней на двор семилетний мальчик в черном полушубочке, новых белых валенках и теплой шапке» [Толстой 29: 6–7]. Брехунов с радостью смотрит на сына, но воспринимает его не как любимого и пока единственного

ребенка, но как подрастающего наследника. В обращениях Никиты и Брежунова к мальчику заметны совершенно разные чувства: «Ну, ну, беги, голубок», — сказал Никита [Толстой 29: 6]. «Вишь ты, прокурат какой, поспел уже!» — говорит Василий Андреич [Толстой 29: 7]. Называя сына «прокуратом», Василий Андреич подмечает в нем особую ловкость, фактически выражая свое собственное начало.

Образ жены Брежунова и в целом взаимоотношения супругов претерпели значительную эволюцию. В рук. № 4 супруга Василия Андреича не в положении, а в рук. № 6 мы видим ее уже беременной: ««Куда еще», — закричала на сына вышедшая вслед за мужем закутанная с головой в платок на сносях беременная жена Василия Андреича» [Толстой 29: 306]. В окончательном тексте жена Брежунова находится в положении, но не «на сносях». Работа Толстого была связана с изменением не только содержательной стороны взаимоотношений супругов, но и формы их выражения. В первой черновой редакции отношения Брежунова и его жены ровные и благожелательные. Василий Андреич не реагирует негативно на совет жены взять Никиту, причем супруга *советует* Брежунову, а не *просит* его. И Брежунов, находившийся под влиянием нескольких рюмок спиртного, отвечает весело: «Слышь, Никита, хозяйка велит ехать. Что скажешь?» (курсив мой — В. А.) [Толстой 29: 295]. Полюсно изменяются отношения супругов в рук. № 4. Судя по характеристике разговора Брежуновых, данной Никитой, ссоры в семье происходят постоянно: «Ну, опять грызутся, — подумал Никита. — Жить бы да жить, так нет же, все лаются» [Толстой 29: 305]. Василий Андреич упрекает жену в ограниченности, связанной, в его понимании, с незнанием торговых дел. Равнодушное отношение Брежунова к родным связано с отсутствием настоящей заботы и ее непониманием: «Потому в тебе рассудку ни одной восьмой, — сердито обратился Василий Андреич к жене, вышедшей за ним и уговаривавшей его не ехать» [Толстой 29: 305]. Однако и жена сначала не уступала Василию Андреичу: в черновых материалах ее реплики также резки и отрывисты, но продиктованы трезвым пониманием ситуации, погодных условий. Супруга Василия Андреича осознает меру его самонадеянности, пытается возражать: «Одна твоя глупость. — Куражишься — перед кем? — говорила жена, выходя за ним и укутывая голову и почти все лицо шерстяным платком» [Толстой 29: 305]. А ее «крикливый голос» вызван недовольством мужа, его неосмотрительностью и привычкой

ему противоречить. Но несмотря на спор между супругами и повышение тона, Василий Андреич говорит Никите про жену вежливо, называя ее хозяйкой: «Слышишь, Никита, *хозяйка велит* тебе в капаньонах ехать. Что скажешь?» (курсив мой — В. А.) [Толстой 29: 306].

В рук. № 5 представлены иные взаимоотношения супругов. Жена находится «в полной покорности у своего мужа», говорит Брехунову о погоде, «робея перед мужем и перекутывая платок с одной стороны на другую» [Толстой 29: 306]. Но эта робость вызвана не уважением к Брехунову, а страхом. В ответ на замечание жены Василий Андреич просто не обращает на нее внимания, отвечает ей холодно, наигранно, любуясь собой: «Не извольте, мадам, беспокоиться, — проговорил Василий Андреич, как он говорил всегда, когда слушал себя, громким, отчетливым голосом, с каким-то особенным напряжением губ...» [Толстой 29: 306].

Отношение к жене выражается в черновых материалах и в мыслях Брехунова о других женщинах. Писатель упоминает о заигрывании героя с «молодой, нарядной, румяной солдаткой» в гостях у старика в Гришкино. И мысли об этой женщине мелькают в голове Василия Андреича, заносимого снегом, наряду с другими бытовыми проблемами: «Он приоткрыл глаза и увидел все то же и опять закутался. Хороша бабенка, вспомнил он про солдатку, старикову сноху. Ночевать бы остаться» [Толстой 29: 308]; «Главное же жизнь дорога. Дороже всего. А вот что, главное, мучило его раскаяние, зачем он поехал из Гришкина. Ночевать бы остался. Солдатка, ух баба хороша, — подумал он» [Толстой 29: 312]. Думы о солдатке приводят Брехунова к воспоминанию о жене: «Кабы теперь жениться, разве я такую бы взял, — продолжал думать он» [Толстой 29: 308].

В окончательном тексте нет упоминания о другой женщине, но по нескольким словам Брехунова, его интонации и жестам становится ясно, что жену он не любит и не уважает. Толстой совмещает наиболее удачные находки, создавая целостные характеры супругов. Беременная жена Брехунова разговаривает с ним робко и жалобно, просит мужа взять Никиту. А Василий Андреич не слушает жену и не отвечает. Выражая к ней полное пренебрежение, он сначала плюет на землю, а далее говорит с ней «с тем неестественным напряжением губ, с которым он обыкновенно говорил с продавцами и покупателями...» [Толстой 29: 6]. Исключив из окончательного текста мысли Брехунова о солдатке, Толстой вложил их в одно емкое наименование супруги и значимый эпитет. «Да уж, вид-

но, уважить *старуху*. Только коли ехать, поди одень дипломат какой по-теплее», — говорит Брехунов Никите (курсив мой — В. А.) [Толстой 29: 8]. Какая большая разница между «*женой*», «*хозяйкой*» в черновых материалах и «*старухой*» в тексте рассказа. Брехунов не шутит, он выражает и пренебрежение, и оценку супруги как женщины, которую он не любит. А рассуждая сам с собой ночью в поле, Брехунов вспоминает *немилую жену*: «“И на что я его взял? Все ее глупость одна!” — подумал Василий Андреич, вспоминая немилую жену, и опять перевалился на свое прежнее место к передку саней» [Толстой 29: 33].

Итак, Толстой убирает из рассказа мотив похоти, пробуждающейся в Брехунове. Скорее всего, писатель решил представить центральной в характере Василия Андреича линию жадности и алчности. Это предположение подтверждается тем, что мотив жадности Толстой начинает развивать с первых строк, убирая отвлекающие читателя подробности. К примеру, в первой черновой редакции Толстой называет фамилию купца, который может перекупить рощу: «...И Логинов, другой дворник-купец, мог перебить покупку...» [Толстой 29: 295]; кратко затрагивает проблему дворянского оскудения: «Продавалась роща на сруб; продавец — молодой, прожившийся барин, не знающий толку в своем добре...» [Толстой 29: 295]. Подробность о молодом помещике могла привести к двойственности смыслов: получалось, что молодой барин не знал толку в добре, а Василий Андреич очень хорошо разбирался в таком добре, как роща.

Зато в тексте рассказа автор тщательнее прописал историю с продажей лошади, подчеркивая предприимчивость Брехунова. В первой черновой редакции после описания мухортого жеребца есть значимое уточнение: «Его недавно задешево выменял Василий Андреич у попа» [Толстой 29: 296]. В рассказе Толстой разворачивает это упоминание в целый эпизод, демонстрируя умения Брехунова обманывать покупателя. Василий Андреич, по пути «нападая на любимое, поглощавшее все его умственные силы, занятие — барышничество» [Толстой 29: 10], пытается сбить Никите лошадь для работы, в два раза завышая цену. Писатель показывает умение Брехунова «преподнести товар»: «“Лошадь хорошая. Я тебе желаю, как самому себе. По совести. Брехунов никакого человека не обидит. Пускай мое пропадает, а не то чтобы как другие. По чести”, — прокричал он своим тем голосом, которым он заговаривал зубы своим продавцам и покупателям» [Толстой 29: 10].

Подробный рассказ о заезде к старику в Гришкино появляется в итоговом тексте. Нет в черновых материалах эпизода встречи хозяина и работника с попутчиками, связанного с инфернальными мотивами и мотивом греха. На вопрос «Чьи будете?» попутчики отвечают «А-а-а-ские!», так как ветер уносит часть слова. И этот ответ невольно связывается для читателя с мыслью об аде. Мотив милосердия возникает при виде жалкой брюхастой лошаденки, совершенно замученной мужиками.

Движение хозяина и работника по кругу присутствует уже в первой черновой редакции и сохраняется в рассказе: Василий Андреич и Никита два раза приезжают в Гришкино, потом собираются ночевать в поле; однако в первой редакции еще не было эпизода попытки Брехунова выбраться одному верхом на мухортом, он появился позднее (в рук. № 4). В рассказе Василий Андреич уезжает тайно, фактически сбегает от Никиты. В черновых материалах хозяин советовался с Никитой или сообщал ему о своем отъезде: мотив побега появляется лишь в рук. № 9, где, как и в окончательном тексте, Никита чувствует толчок саней, когда Василий Андреич садится с ним на лошадь. В рук. № 4 Брехунов советуется с Никитой, когда собирается уехать верхом, а потом просит Никиту помочь с лошадью: «Никита долго мялся, наконец, встал, дрожа всем телом и хромя, подсобил Василию Андреичу и сам зашатался» [Толстой 29: 314]. В рук. № 5 Толстой сохраняет краткий диалог хозяина и работника, но Никита не встает помогать Брехунову. В окончательном тексте Василий Андреич рассуждает сам с собой и, оправдывая свои действия, находя огромную разницу между собой и Никитой, сбегает: «Ему, — думал он про Никиту, — все равно умирать. Какая его жизнь! Ему и жизни не жалко, а мне, слава Богу, есть чем пожить...» [Толстой 29: 34]. Эти слова Брехунова являются логическим продолжением его внутренних монологов о положении собственных дел. Как справедливо отметила Ю. В. Фомина, «он лжет вдвойне: приняв свои убеждения за постулаты истинной жизни, Брехунов не осознает, как опутывает ложью и себя, и других» [Фомина: 130].

Мотив страха получил яркие реализации как в черновиках, так и в итоговом тексте, однако отличаются время возникновения страха и некоторые особенности его выражения. В черновых материалах рассказа Брехунов начинает испытывать страх раньше, уже в тот момент, когда уезжает назад в деревню провожавший их парень, а они с Никитой

остаются вдвоем: «Они повернули и поехали. Семка с своими саними тотчас же скрылся. Василий Андреич оглянулся на него, и вдруг ему стало жутко» [Толстой 29: 301]. В первой редакции Брехунов тщательно скрывает страх, не может сдержать его: «“Микит!” — вдруг разбудил его голос Василия Андреича, и голос дрожит, точно озяб» [Толстой 29: 301]; «Василий Андреич начинал сильно робеть, но усиленно храбрился» [Толстой 29: 302]; «Василий Андреич боялся ужасно, но не хотел признаться» [Толстой 29: 302]; «Намерение Никиты ночевать в снегу и, как он видел, необходимость покориться этому, пугало его. Но ему совестно было показать свой страх, и он старался подавить и отогнать его» [Толстой 29: 309]. В рассказе (как и в вариантах заключительных сцен) Толстой сделал характер Брехунова более цельным и интересным. Герой не теряет деловитости и предприимчивости и тогда, когда приходится устраиваться в поле на ночлег, он еще не испытывает страха: «Василий Андреич неодобрительно покачал головой на то, что делал Никита, как он вообще не одобрял необразованность и глупость мужицкую, и стал устраиваться на ночь. Он разровнял оставшуюся солому по санкам, подложил погуще себе под бок и, засунув руки в рукава, приладился головой в угол саней, к передку, защищавшему его от ветра» [Толстой 29: 30]. Сильный страх в Брехунове просыпается во время его ночных размышлений, когда он остается сам с собой, наконец, кульминации страх достигает в сцене бегства Брехунова верхом на мухортом. А. М. Ранчин справедливо указывает, что в тексте рассказа чрезвычайно важен этот последний круг, совершенный Василием Андреичем в попытке убежать верхом, бросив Никиту. «Описывая свой последний “большой” круг по снежной равнине, толстовский герой возвращается к исходной точке своего странствования — к саним, в которые совсем недавно садился, выезжая из родных Крестов. В символическом пространстве — это возвращение к самому себе истинному, возвращение к вечным ценностям — к любви и самоотвержению. Самый на поверхностный взгляд безысходный круг оказывается в высшем смысле единственным спасительным» [Ранчин: 101].

Встреча героя с чернобыльником, в которой страх имеет решающее значение, символична: «Эго всплеск черного цвета, проступающего на сей раз впервые как в самом предмете — означаемом, так и в означающем — лексеме “чернобыльник”. Событийно это момент осознания героем окончательной потери пути и неотменимости смерти, это со-

крушение его гордыни страхом» [Ранчин: 98–99]. А. М. Ранчин рассуждает о знаковом для всего рассказа образе чернобыльника, «образе действенном, как символ»: «В нем заключен библейский новозаветный прообраз, семантический архетип. Чернобыльник — другое название растения полынь» [Ранчин: 104].

Образ выросшей в поле полыни в первой черновой редакции появился рано, в тот момент, когда хозяин и работник сбиваются с дороги в самый первый раз. Никита указывает Василию Андреичу на «видневшуюся из-под снега между, поросшую полынем, который отчаянно сгибался и махался от свистящего в нем ветра» [Толстой 29: 297]. Он говорит: «А то, что это полынь по жнивью по Захаровскому, мы вон куда заехали» [Толстой 29: 298]. В итоговом тексте Толстой заменяет в этом эпизоде полынь на картофель: Никита указывает Брехунову на «черную картофельную ботву, торчавшую из-под снега» и делает вывод, что едут они по картофельному полю [Толстой 29: 12]. Чернобыльник появляется второй раз лишь в окончательном тексте. В рук. № 4, в эпизоде побега от Никиты, Василий Андреич вообще не видит никакого растения, замечая лишь след мухортого и то, что он едет по кругу. В рук. № 6 появляется образ бурьяна, тут же Толстой находит удачный ход с нагнетанием страха: «Особенно страшно ему стало, когда он проезжал по меже какого-то поля, поросшего высоким бурьяном, торчавшим из-под снега и отчаянно мотающимся, стремившимся куда-то и только свистевшим на одном и том же месте» [Толстой 29: 320]. В рук. № 8 Василий Андреич видит «что-то чернеющее», а потом понимает, что это межа, поросшая бурьяном. В окончательном тексте кульминационный эпизод побега Брехунова от Никиты представлен подробно и психологически очень достоверно: ржание мухортого, которое слышит Брехунов как «страшный, оглушительный крик», образ мотающегося на ветру чернобыльника связаны с апокалиптическими мотивами (образ полыни является в Библии символом наказания и смерти), не случайно Брехунов не узнает реальности: «Несколько секунд Василий Андреич не мог опомниться и понять, что случилось» [Толстой 29: 39]; «Он подумал: “Не во сне ли все это?” — и хотел проснуться, но просыпаться некуда было. Это был действительный снег, который хлестал ему в лицо...» [Толстой 29: 39].

Брехунов сразу ложился на Никиту в первой черновой редакции и, согревая его своим телом, предавался «воспоминаниям сделанных дел

и заботы о тех, которые теперь делались» [Толстой 29: 303]. В последующих рукописных вариантах, как и в окончательном тексте, хозяин и работник устраиваются на ночлег отдельно. Брехунов уже после отъезда на мухортом и возвращения обращает внимание на Никиту. Толстой психологически точно развел два состояния Василия Андреича: «обычные мысли» приходят к нему во время раздумий в снях, но с момента возвращения направление и ход мыслей хозяина кардинально изменяются.

Первый пространный монолог Брехунова, связанный с обычными его размышлениями, по мере работы Толстого над рассказом дополнялся новыми деталями. Многие темы дум Брехунова в черновых материалах проработаны основательно и подробно, а в тексте рассказа представлены достаточно ёмко. Так, в окончательный текст оказались включены не раз встречающиеся в рукописях (рук. № 4, рук. № 5) рассуждения Брехунова об улучшении дел за последние 15 лет. Однако от размышлений о величии и значимости фигуры Брехунова в окончательном тексте остается лишь одна фраза: «Нынче кто в округе гремит? Брехунов» [Толстой 29: 32]. Толстой опускает все разъяснения о власти Василия Андреича, передающие его эксплуататорский характер: «...У него вся округа в руках была, как говорили ему мужики: мы ведь в плену у тебя, Василий Андреич. И точно, у него 5 деревень было в плену, 200 десятин обрабатывали за долги да за водку...» [Толстой 29: 312]. Не остается в окончательном тексте и воспоминания Брехунова об обмане зятя, которого он одолел в суде и с которого взыскал немалую сумму денег. Эти подробности снижали образ Василия Андреича. Творческий поиск Толстого был направлен в сторону выбора тех фактов из жизни героя, которые иллюстрировали бы не просто его качества, но характерные заблуждения. Писатель показывает ложное понимание Брехуновым ценности труда. Для Василия Андреича труд связан не с помощью ближним, не с преобразованием действительности и совершенствованием личности, даже не с необходимостью поддерживать существование семьи, а с получением все большей наживы. Толстой показал ложное понимание труда, противоречащее мысли о праведной работе, приближающей человека к осознанию воли Бога: «Как подушка от думы в головах ворочается, — размышлял он с гордостью. — Думают, что в люди выходят по счастью. Вон, Мироновы в миллионах теперь. А почему? Трудись. Бог и даст. Только бы дал Бог здоровья» [Толстой 29: 32].

Размышления Никиты в окончательном тексте по сравнению с рук. № 9 изменяются в незначительной степени. Но Толстой выстраивает более точную логику перехода от мысли к мысли, а также корректирует два значимых момента. Первый связан с упоминанием Никитой Бога и размышлениями о скором приходе к Нему. В рук. № 9 Никита думает о том, что попадет с «Господу батюшке Царю Небесному» [Толстой 29: 318], в итоговом тексте герой рассуждает о «зависимости от главного хозяина, того, который послал его в эту жизнь» [Толстой 29: 36]. Выбор лексемы «хозяин» был обусловлен необходимостью создания тайны и отсылкой к названию рассказа. Второй значимый момент состоит в том, что в черновых материалах Никита не вспоминает о Брехунове, а в окончательном тексте, несмотря на констатацию огромной разницы в положении: «Не то, что наш брат» [Толстой 29: 37], Никита жалеет Брехунова. В отличие от хозяина работник находит силы для сострадания Брехунову (не случаен тут эпитет «сердечный»), переживает о нем.

Глубокий смысл финала рассказа в сравнении с вариантами заключительных сцен в общем плане уже прояснен Л. Д. Опульской. Она показала, что прозрение Брехунова и спасение им Никиты происходит в той же немногословной и деятельной манере, которая всегда была характерна для Василия Андреевича. Добавим, что Толстой даже отказался от упоминания о жалости по отношению к Никите, неоднократно встречавшегося в тексте до этого: «И вдруг Василию Андреевичу стало жалко Никиту. Кабы не я, не пропал бы мужик. А смиренный мужик. Как старался, и мальчонка моего ласкал» (рук. № 3) [Толстой 29: 311]; «Ох, погубил я человека, подумал Василий Андреевич. И ему вдруг стало жалко Никиту» (рук. № 4) [Толстой 29: 316]. Описание поведения Брехунова в рук. № 10 максимально приближено к окончательному тексту. Но в объяснении попытки Брехунова избежать возвращения страха Толстой опускает две фразы. Сравним: *рук. №10*: «Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этот страх, а чтобы не допустить его, надо было не думать о себе, надо было думать о чем-нибудь другом. Надо было делать что-нибудь» [Толстой 29: 322]; *окончательный текст*: «Надо было во что бы то ни стало не допустить до себя этот страх, а чтобы не допустить его, надо было делать что-нибудь, чем-нибудь заняться» [Толстой 29: 41]. Писатель исключает все объяснения поведения Брехунова, спасающего Никиту: Толстому важно было показать поступок героя без каких-либо его внешних характеристик.

Черновые материалы проясняют ход работы Толстого над «Хозяином и работником». Главные элементы сюжета присутствуют уже в первой черновой редакции, но в ней нет еще цельных характеров героев. Толстой совершенствовал рассказ в двух направлениях. Во-первых, писатель большое внимание уделил финалу. Он тщательно выверял и продумывал описания внутренних монологов и состояний героев, осознание Брехуновым ложности и иллюзорности своей прежней жизни. Прозрение Василия Андреича, спасение им Никиты представлено психологически точно и убедительно. Писатель раскрывает кардинальную перемену, произошедшую с сознанием Брехунова, но характер героя, образ его поведения остаются прежними: спасая Никиту, Василий Андреич действует решительно и быстро, как он всегда поступал в жизни. В этом последнем истинно человеческом поступке Брехунов не рассуждает о чувствах, не выражает душевных и сердечных порывов. Во-вторых, на протяжении работы над текстом Толстой тщательно продумывал и взвешивал все мельчайшие компоненты изобразительности, добивался создания целостных и непротиворечивых фигур персонажей. Писатель оценивал глубину противопоставления образов Василия Андреича и Никиты, убирал лишние, не свойственные им черты, а также подробности, отвлекающие от центральных мотивов рассказа. Притчевый характер присущ в большей степени для окончательного текста рассказа: многие описания и пояснения, ряд второстепенных мотивов оказались в ходе работы «свернутыми» писателем до деталей, осознание которых требует от реципиента осмысления каждого слова художественного текста.

Список литературы

Андреева В. Г. О нескольких центральных антитезах в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 4. С. 114–117.

Лученецкая-Бурдина И. Ю., Терентьева Н. С. Художественное воплощение этико-религиозных идей в рассказе Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 23–26.

Нагина К. А., Кухтина Н. И. Сновидения в рассказе Л. Н. Толстого «Хозяин и работник»: от жизни «для себя» к жизни «для других» // Вестник северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2019. № 3. С. 100–110.

Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 г. М., 1998. 405 с.

Петровский А. С. Комментарии к рассказу «Хозяин и работник» // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1954. Т. 29. С. 375–380.

Полтавец Е. Ю. Рассказ Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» как художественная экзегеза // Русистика и компаративистика. М.: МГПУ, 2012. С. 116–131.

Ранчин А. М. Чернобыльник: об одном символе в рассказе Толстого «Хозяин и работник» // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 97–107.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1928–1958.

Фомина Ю. В. Тело и дух в повести Л. Толстого «Хозяин и работник» // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 5. С. 130–134.

References

Andreeva V. G. *O neskol'kikh tsentral'nykh antitezakh v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [On some central antitheses in the novel Resurrection by Leo Tolstoy]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2012, № 4, pp. 114–117. (In Russ.)

Luchnetskaia-Burdina I. Iu., Terent'eva N. S. *Khudozhestvennoe voploshchenie etiko-religioznykh idei v rasskaze L. N. Tolstogo "Khoziain i rabotnik"* [Artistic expression of ethical and religious ideas in the short story "Master and Man" by Leo Tolstoy]. *Verkhnevolszhskii filologicheskii vestnik* [Verhnevolszhskii philological bulletin], 2016, № 4, pp. 23–26. (In Russ.)

Nagina K. A., Kukhtina N. I. *Snovideniia v rasskaze L. N. Tolstogo "Khoziain i rabotnik": ot zhizni «dlia sebia» k zhizni «dlia drugikh»* [Dreams in L. N. Tolstoy's Short Story "Master and Man": from "life for yourself" to "life for others"]. *Vestnik severovostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Vestnik of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University], 2019, № 3, pp. 100–110. (In Russ.)

Opul'skaia L. D. *Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1892 po 1899 g* [Lev Nikolaevich Tolstoy. Materials for biography from 1892 to 1899]. Moscow, 1998, 405 p. (In Russ.)

Petrovskii A. S. *Kommentarii k rasskazu "Khoziain i rabotnik"* [Comments on the story "Master and Man"]. Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t* [Full collection of works in 90 vol.]. Moscow: Khud. lit. Publ, 1954, Vol. 29, pp. 375–380. (In Russ.)

Poltavets E. Iu. *Rasskaz L. N. Tolstogo "Khoziain i rabotnik" kak khudozhestvennaia ekzegeza* [Exegetical Method in L. Tolstoy's Story "Master and Man"]. *Rusistika i komparativistika* [Russian philology and komparativistika]. Moscow, 2012, pp. 116–131. (In Russ.)

Ranchin A. M. *Chernobylnik: ob odnom simvole v rasskaze Tolstogo «Khoziain i rabotnik»* [Wormwood: About one symbol in the short story "Master and Man" by Leo Tolstoy]. *Literaturovedcheskii zhurnal* [Literary journal], 2010, № 27. pp. 97–107. (In Russ.)

Tolstoy L. N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t*. [Full collection of works in 90 vol.]. Moscow: Khud. lit. Publ, 1928–1958. (In Russ.)

Fomina Iu. V. *Telo i dukh v povesti L. Tolstogo "Khoziain i rabotnik"* [Body and spirit in the novel of L. Tolstoy "Master and Man"]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series], 2015, № 5, pp. 130–134. (In Russ.)